

Водка, дуэль, поэзия

и проза Сергея Гандлевского

Русская мысль. — Творчество. — 1995. — 30 марта — 5 апр. — с. 13.

Сергей Гандлевский — поэт в такое не-поэтическое, не-лирическое время. Подборки его стихов без колебаний давал в «Континенте» Максимов, тогда мы и расслышали Гандлевского-поэта. В первом номере журнала «Знамя» лучшее, что там есть, — его дебют в прозе, повесть под названием «Трепанация черепа». В данном случае — не метафора, речь идет о собственном черепе автора. Опухоль мозга — может быть, главное испытание за всю его сорокалетнюю жизнь, которую поэт сам накануне операции назвал «гибельной, слабой, нехорошей». Повесть строится на трех стилистических уровнях, каждый со своей мерой лиричности.

Уровень первый — воспоминания о матери, Ирочке Дивногорской, внучке двух священников — москвича и провинциала, о гонениях на семью, когда священника-москвича перевели из Соловков в казахскую ссылку. Прошел слух, что можно будет мельком повидаться на Казанском вокзале, но жена и дочь ссыльного были так запуганы, что и на короткое свидание не пошли. Началась полоса унижений, умолчаний, лжи в анкетах, пугливого прозябания, зловещих намеков от соседней коммуналки. Священников-прадедушек смысло революционной волной, и оба они исчезли из жизни близких... Теперь это уже стало одной из наших отечественных легенд. Вспоминает Гандлевский и о дедушке, хрестоматийно-красивом усатом военном в бричке. Дед был офицером царской армии, но — добавляет автор — «служил он ветеринарным врачом». Замечательно это «но»: офицером был, но — по части ветеринарной. В этом «но» мне слышится наследственность старинного русского духовенства, еще не развращенного советской властью, свойственное ему отсутствие сословной гордости, то, что и сегодня отличает правнука провинциального священника с его умением не впасть в отчаяние, не роптать на судьбу.

Читатель может тем более оценить эту наследственность сегодня, когда потомки остзейских баронов выдают себя за престолонаследников из ветви Энгельгардтов, а газеты заняты разборкой, князь ли Голицын украл иконы, или же у него их украли. Право же, предпочтительнее вести свое происхождение от полкового ветеринара.

А еще в родословной Сергея Гандлевского был потомственный, добросовестный и зажиточный уездный врач Давид Григорьевич Гандлевский, которого призвали на русско-японскую войну, а его дочку Фаню — бабушку поэта — взялся учить грамоте сам Шолом-Алейхем. Надо ли говорить, что дух праздности унылой чужд был и этой ветви.

Второй стилистический уровень выполнен жестко и беспощадно — образ жизни поэта и его окружение. Девиз этого товарищества:

«Колоться и колоть, балдеть и отрубаться».

Со вкусом описан криминальный сумрак винного отдела, выразительно путешествие спозаранку до станции метро «Щукинская», потом до конечной, а там есть магазинчик, где, по слухам, будут давать водку, но строго — одну на одну пустую и чтоб без винта, — и где поэт, отстояв целый день с номером 372 на запыстье, так сольется с народом в ожидании чудесного и необычайного, что едва не вознесется. Случается и непоправимое: так, 23 декабря 1990 года напротив метро «Шербаковская» погиб под колесами легкового автомобиля поэт Александр Сопровский — после того, как пили спирт и говорили о смерти... Погиб и служивший в ФИАНе друг семьи Сергей Савченко, и тоже под колесами автомобиля.

Да и трепанация черепа — выдать, следствие все тех же чудес: стражду-

щему Гандлевскому ангелы поведали, что в автопоилке в Климентовском переулке — там, где с утра похмельная давка и пахнет мордобоем, — есть пиво! Таков утренний маршрут российского поэта.

Случаются в этом кругу и дуэли — состоявшиеся и не состоявшиеся. Дуэлянты — Сергей Гандлевский и Вик-

Сергей Гандлевский.

тор Санчук, секундант — Александр Сопровский, на двоих один. Состоялось около Нескучного сада, стрелялись всерьез и по правилам. Сопровский предлагал примириться, отмерял шаги, никому не забыл положить пулю в пистолет, закончилось без кровопролития. Дуэль не состоявшаяся — имела произойти между Александром Сопровским и Дмитрием Приговым. Состояться и не могла, так как один из дуэлянтов оказался недееспособным, именно Дмитрий Александрович Пригов, тот самый, что берет стихи Пушкина и Лермонтова, вынимает из них глазные и оставляет одни согласные.

Но вернемся на уровень нашей повести, на третий и последний стилистический уровень — о любви поэта. О его любви к жене. О любви к жене Лене. Ей и посвящена повесть. И если две первые темы — родословная поэта и свой круг — не новы в литературе, хотя и достойно выписаны Гандлевским, то вот этот дрянный роман с женою, продолжающийся после рождения детей, после столького пе-

режитого, вот этот нескончаемый роман с женой Леной — есть подлинное открытие в нашей прозе. Помнится, три вещи, как считал Сергей Довлатов, может сделать женщина для русского писателя: она может кормить его, она может искренне поверить в его гениальность, она может оставить его в покое. Всегда восхищаясь довлатовской триадой, сейчас заметила: а не может ли она просто любить его?

Лучшим доказательством ее любви следует признать не только то, что жена Лена не мешает поэту пить водку, но и не мешает видеть других женщин. Их чрезвычайно много в повести Гандлевского — и все красавицы. Красавица-калмычка Валя, жена Коваля, красавица-еврейка Алена, жена Айзенберга, русская красавица Аня, жена Зайцева. Для плакатной гармонии не хватало лишь красавицы-негритянки. Но это еще не весь цветник, в который попал наш Гандлевский, еще есть Лена Якович, Наташа Мочульская, Оля Басинская — тоже все красавицы, и все его устраивают правдами и неправдами к лучшему хирургу на трепанацию черепа. Ей-Богу, и не захочешь, а сделаешь. И даже о Пушкинской премии, о той половинке, что досталась Тимуру Кибирову, говорится в неожиданном ракурсе: *«Обсуждали шубу Лены Борисовой, купленную ей Тимуром с Пушкинской премии. Жена Кибирова очаровательно хвастала обновой, а потом прикрикнула на меня:*

— Гандлевский, подал шубу!

Молодец Кибиров, так и должно поэту тратить свои деньги: "В меховую пелерину я укутаю тебя..."»

Так рассказывает о своих похождениях, о внешней своей жизни правнук священника, провинциального протоиерея, которого черт догадал родиться в 52-м году в Москве, закончить филологический факультет, стать поэтом. В повести мы видим его дуэлянта, верным товарищем, любящим супругом и отцом, терпеливым пациентом клиники Склифосовского.

Эта жизнь ужасна, тяжела, временами безобразна, уходы в похмельную темноту гибельны и каждый раз грозят закончиться трагедией — и что же тогда останется?

Странно, но другого вопроса, как будто естественного, не возникает: а нельзя ли переменить эту жизнь? Нельзя! У поэта нет иной жизни, чем та, которая сделала его поэтом. Ему переменить судьбу нельзя, можно только принять ее и остаться верным ей.

НАТАЛИЯ КУЗНЕЦОВА

Нидернхаузен